

Талынев В.Е.,
Хвоин Н.Н.

СОЦИАЛЬНО-АДАПТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО БЕЗДОМНЫХ: ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

SOCIALLY ADAPTIVE AREA FOR THE HOMELESS:
SOCIAL AID SYSTEM CHALLENGES

Талынев Валерий Егорович, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Воронежского института МВД России (Воронеж, Россия), e-mail: v.talynyov@yandex.ru

Хвоин Николай Николаевич, ведущий специалист отдела мониторинга, систем оплаты труда и ведомственного контроля Комитета по труду и занятости населения г. Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: khv-nikolai@yandex.ru

Valery E. Talynyov, Doctor of Social Sciences, Department of Humanities and Social Sciences, Associate Professor, Voronezh Institute of the Russian Interior Ministry, e-mail: v.talynyov@yandex.ru

Nicholay N. Hvoyn, Leading specialist of the monitoring, remuneration systems and departmental control unit of the Committee on labour and employment of St. Petersburg, e-mail: khv-nikolai@yandex.ru

Аннотация. В статье на результатах эмпирического исследования проанализированы актуальные проблемы методологии социологических исследований социально-адаптивного пространства бездомных. Рассмотрены особенности функционирования системы социального обслуживания учреждений социальной помощи бездомным в г. Москве, г. Санкт-Петербурге и определены основные направления деятельности по ее упорядочению. В статье предлагается модель реабилитации бездомных в социально-адаптивном пространстве.

Abstract. This article analyses the acute methodological problems of sociological researches of the socially adaptive area for the homeless based on empirical study results. It gives a view on particulars of the activities of the system of the social aid institutions for the homeless in Moscow and Saint-Petersburg and distinguishes basic activity directions towards its structuring. The article offers the homeless rehabilitation model in the socially adaptive area.

Ключевые слова: бездомные, социально-адаптивное пространство, приют, профилактика бездомности.

Key words: homeless, social-adaptive area, shelter, homelessness prevention.

Постановка проблемы. В последние три десятилетия существенная часть научной дискуссии о бездомности связана с социальными процессами в форме исключения представителей этой категории граждан из общества. В противоположность этим процессам исследуются особенности формирования социально-адаптивного пространства, куда перемещаются указанные категории российского населения в переходный для них период, а также эффективность деятельности органов социальной защиты по минимизации «издержек» бездомных граждан в процессе последующей социализации в российском обществе.

Ныне категории «социальное исключение», «социальное перемещение», «социальное пространство», «социально-адаптивное пространство», «бомж», «бездомный», «изгой» и др. все больше внедряются [5] в научную дискуссию о социальной справедливости, эффективности системы деятельности различных государственных органов по социальному обслуживанию различных групп населения и др. [16, с. 45–52]. Аксиоматическое построение подобного рода взглядов определяет, что каким бы индивидам или социальным группам, категориям граждан не присваивались в качестве идентификации эти определения становится ясно, что они направлены на выявление более широкого круга проблемных вопросов, чем, например, принятые в обиходе средний прожиточный уровень, абсолютный и относительный уровень доходов, благосостояние, обычно ассоциирующиеся с дискуссией о бедности, а также формировании удовлетворительного по качеству социального пространства.

Основные понятия. Для большей части населения социальное пространство личности представляет собой наличие необходимых условий развития и бытия человека, которые законодательно, эмоционально-психологически определяют индивиду место и сферу его жизнедеятельности, права и обязанности, стиль и содержание коммуникации в контексте общественной культуры, а также формируют внутреннюю позицию самого человека по отношению к самому себе, истории своего этноса, культуре как целостному, исторически обусловленному явлению. В научной практике имеет место ряд определений понятия «социальное пространство». Например, «социальное пространство — абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.), которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала; оно может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, функционирующей одновременно как средства и цели борьбы в различных полях» [6; с. 54–55].

В широком смысле социальное пространство представляет собой многомерное, но ограниченное определенными рамками, область социальных практик, процессов и институтов, отношений, позиций и ролей, системно и структурно-функционально связанных между собой и действующих в отдельно взятом социуме.

В узком смысле социальное пространство бездомных представляет собой сложившиеся неравнозначные условия жизнедеятельности, определяющие социальную дистанцию между субъектами, т. е. для бездомных эти конструкты выходят на первое место, а социальное пространство становится порядком стратификации социальных групп в обществе, иерархическим размещением, согласно специфическому статусу и содержанию социальной деятельности и т. д.

Следовательно, в качестве доминантных составляющих социально-адаптивного пространства бездомных могут выступить социальная структура и социальная стратификация. Социальная структура категории бездомных, помимо отдельно взятой личности, на наш взгляд, представляет собой межгрупповую общность и дифференциацию, и включает в себя: 1) скопление или конгломераты; 2) группы; 3) социальный институт.

Если скопления (конгломераты) бездомных характеризуются чисто пространственной близостью случайных людей (бывшие соседи, земляки, родственники и др.), то группы образуются на основе какого-либо признака (например, причинно-следственная связь попадания в категорию бездомных — криминальное прошлое, т. е. лица, отбывшие наказание в местах лишения свободы, семейные проблемы, спекуляция или мошенничество с недвижимостью, алкоголизм, наркотики и т. д.). Последние объединения могут создаваться на основе одного или сочетания ряда признаков.

Если с первыми двумя составляющими социального пространства более-менее все понятно, то в отношении социального института бездомных, ученые, специалисты и, особенно, политики предпочитают отмалчиваться. На наш взгляд, социальный институт бездомных отличается от конгломерата и группы тем, что он функционирует в более масштабном пространстве и представляет собой образования, которые характеризуются:

1) наличием нескольких социальных групп, имеющих общие ценности и удовлетворяющие схожие потребности, к которым следует отнести бездомных, которых не следует путать с категорией бродяг, попрошаек, тунеядцев и др.;

2) единым этосом (духовной культурой), где в каждой группе бездомных «свои» ценности, традиции, обряды, нормы и правила существования и коммуникации;

3) наличием материальной культуры (это может быть отношение к городским свалкам, мусоросборникам, а также к заброшенным жилищным постройкам, вокзальным территориям, территориям возле метро и т. д.);

4) специальными социальными действиями в рамках этого института, например, борьба за передел имущественных, властных полномочий применительно к вышеперечисленным объектам и т. д.

Таким образом, социальный институт бездомных, на наш взгляд, это исторически сложившаяся форма организации совместной жизнедеятельности людей, оставшихся без собственного жилья, характеризующаяся наличием специфических социальных норм и правил в ходе стихийного социального взаимодействия, осуществляемого методом проб и ошибок, существование которой (форма организации) диктуется необходимостью удовлетворения элементарных социальных, экономических, политических, культурных или иных потребностей этой общественной группы в целом или его части, основной целью которой является приобретение собственного жилья, как главного условия успешной социальной адаптации.

Указанные характерологические особенности социального пространства относятся к большинству категории бездомных граждан, которая по ряду причин, например, утрата жилья — определяющий в нашем случае фактор, потеря работы, временно выпадает из социального пространства, и для них возникает отличающаяся по многим параметрам от большинства членов общества болезненная проблема ресоциализации, социальной адаптации. Именно поэтому особая роль в решении проблемы бездомных отводится организационно-техническим мероприятиям на государственном и общественном уровнях, например, социальной защите, учету данной группы граждан.

Методология исследования. Получить многоаспектную оценку условий формирования социально-адаптивного пространства, системы социального обслуживания, процедуры количественно-качественного учета бездомных позволяет методология социологических исследований. «Усиливающиеся в последнее время интегративные процессы в науке позволяют поставить вопрос о комплексном рассмотрении данного феномена и о выделении особого вида приспособления — социальной адаптации. Тем самым адаптация превращается из понятия специфически биологического в категорию общенаучную» [14, с. 21].

Рассматривая концептуальные подходы к социальной адаптации лиц категории «бездомные», специалисты отмечают мно-

гоплановость проблемы. «В соответствии с одной из концепций ученые придерживаются мнения о том, что главным фактором для решения проблем бездомных граждан является трудовая реабилитация. Представители другой концепции придерживаются мнения о том, что «помощь бездомным должна осуществляться не только государством, но и обществом в целом» [15, с. 198]. Другими словами, не только за счет бюджетного финансирования, но и за счет благотворительных и иных фондов, а также различных видов спонсорской помощи.

Указанные теоретические представления легли в основу социологического исследования по проблеме социально-адаптивного пространства бездомных, функционирования системы социального обслуживания, а также анализа действующей системы учета указанной категории граждан, проводившегося в несколько этапов. Также теоретико-методологическими основами исследования стали отечественные и зарубежные концепции исследования процесса социализации личности, причинно-следственных связей возникновения маргинальной группы граждан — бездомные, а также особенностей функционирования указанной группы в современных условиях развития российской государственности.

В рамках исследования развивались идеи о социально-неопределенном положении человека или группы граждан, не имеющих своего жилища, отсюда государственной регистрации, вследствие интенсивных социальных потрясений (разгула криминальных явлений, мошенничества, миграции, нисходящей мобильности и т. д.), различных типах маргинальности, в том числе социальной (структурной) [18, с. 124–135] и последующей адаптации, которая осуществляется по особым нормам в социально-адаптивном пространстве.

Очевидно, бездомный, попадая в несколько иное социальное образование (пространство), которое на первых порах с учетом ранее усвоенных, но изменившихся условий взаимодействия и взаимоотношений, как правило, воспринимается им достаточно болезненно. Это социально-адаптивное пространство бездомных, представляя собой специфическую нормативную модель общества, предполагает в идеале возврат этой особой категории граждан к общественно-полезной деятельности, усвоению (восстановлению) основ социализации при помощи (воздействия) государственных и других органов опеки.

Эмпирическая база исследования. Основным источником сведений о состоянии и уровне жизни населения являются официальные статистические данные, представляемые Федеральной

службой государственной статистики (Росстат), Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации, здравоохранения, правоохранительными органами и др., которые, мало того, что они считаются то по персональному уровню, по количеству обращений в учреждения социальной защиты или медицинского направления, то по количеству домохозяйств, так еще и не отличаются объективностью, точностью и заметно отличаются друг от друга. Весьма неточно обозначаются категории населения, подвергнутые социальной эксклюзии и относящиеся к социальным аутсайдерам, а именно: бездомные, бедные (малоимущие), нищие, бродяги, которые, кроме малоимущих граждан, зачастую вообще не фиксируются в статистических отчетах, поэтому нами предпринята попытка обобщить данные, как полученные самими авторами, так и данные от независимых источников.

Вообще практика Росстата вести учет бездомных граждан, используя как единицу подсчета — «домохозяйство», не выдерживает никакой критики. Мало того, что людей подсчитают «домохозяйствами», так еще и попытка учитывать бездомных из этих домохозяйств только посредством подсчета их обращения в органы социальной защиты приносит весьма поверхностные, неточные статистические результаты, т. к. по утверждению самих респондентов-бездомных, во-первых, далеко не все обращаются в учреждения социальной помощи, а, во-вторых, более половины из них обращаются к органам социальной помощи по несколько раз, особенно за получением медицинской помощи, бесплатного питания и др., при этом называя себя каждый раз при представлении новыми вымышленными именами.

Для сбора данных о социальном пространстве, системе социального обслуживания и учета, обеспечения достоверности, валидации и верификации компонентов процесса бездомности, с учетом особенностей генеральной совокупности, точности полученных результатов исследования применялся комплекс теоретических (стратификация, анализ, синтез, моделирование, абстрагирование и др.) и эмпирических (анализ документов, опрос, интервью, экспертная оценка, беседа, описание, базирующееся на результатах наблюдения (качественное) и измерения (количественное) и др. методов.

На начальном этапе (ноябрь 2016 — декабрь 2017 г.) был проведен экспертный опрос в форме полустандартизованного интервью и применен сравнительный метод по проблеме комплексной помощи и защиты прав бездомных и граждан без регистрации, с привлечением руководителей учреждений социальной защи-

ты и социального обслуживания различного уровня, находящихся в ведении Комитета по социальной политике (3 учреждения), районных администраций г. Москвы и г. Санкт-Петербурга (всего 18 учреждений), а также благотворительных организаций «Ночлежка», «Армия Спасения» и др. Данные по г. Москве получены в основном из массива официальной статистики.

На втором этапе (декабрь 2017 — июль 2018 г.) осуществлялись анкетирование руководителей и специалистов учреждений социального обслуживания разных типов, опрос граждан в местах оказания социальной и юридической благотворительной помощи бездомным людям, проживающим (находящимся на территории) в г. Санкт-Петербурге. В квотную выборку были отобраны представители 8 учреждений различного уровня: всего 43 специалиста, из них — 7 руководителей и 36 специалистов. Опрошено 173 человека, что позволило соблюсти требование 5% ошибки репрезентативности. Почти две трети респондентов проживают в г. Москве и г. Санкт-Петербурге свыше 10 лет (63,8%), пятая часть (21,8%) — от 3 до 10 лет; 14,4% — менее 3-х лет.

Также проведены мониторинг статистических данных, сплошной анкетный опрос специалистов в очно-заочной форме по проблеме эффективности процесса оказания социальной помощи бездомным в новых условиях социально-адаптивного пространства. Результаты исследования дополнены данными устного опроса в виде формализованного интервью бездомных по разработанному инструментарию с последующим анализом полученной информации, проводимого в местах выдачи горячего питания, социального консультирования, пунктах обогрева (сезонный проект), реабилитационных приютах и др. В целях обеспечения безопасности интервьюеров из опроса исключались бездомные, находящиеся в состоянии алкогольного (наркотического) опьянения, а также проявляющие агрессивное поведение в ходе подготовки и проведения процедуры исследования. Отбор респондентов среди бездомных носил случайный характер, с соблюдением квоты по полу и возрасту. Помимо этого, проводилось наблюдение за бездомными в местах их случайных заработков.

Характеристика социально-адаптивного пространства бездомных. На рубеже 1990-х гг. категория бездомных людей стала особенным показателем и следствием резкой трансформации социальной структуры российского общества, которая привела к массовой нисходящей социальной мобильности, небывалому ранее росту, особенно в крупных населенных пунктах, количества попрошаек, бомжей, безработных, бродяг, которые оказались в си-

туации неопределенной социальной идентификации. Сложившаяся на тот момент после распада Советского Союза ситуация, когда значительная часть населения оказалась в депривированном состоянии, резко контрастировала с советским периодом, что вынудило руководство правопреемника СССР — Российской Федерации в «целях оказания социальной, медицинской и иной помощи лицам без определенного места пребывания или жительства, обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения и укрепления общественного порядка» издать Указ Президента № 1815 «О мерах по предупреждению бродяжничества и попрошайничества» [1].

В середине 1990-х гг. подобное социальное явление стали называть безнадзорностью, с чем авторы статьи категорически не согласны. Ведь ранее безнадзорными называли людей, не имеющих постоянного места жительства; детей, живущих в асоциальных семьях, детей-сирот, т.е. находящихся как бы вне общества лиц [4, с. 40–45], детей, сбежавших из родного дома, детских домов-интернатов, приемников-распределителей, а также лиц, вернувшихся из мест лишения свободы и по ряду причин потерявших свой дом, лечебниц для душевнобольных [19, с. 137] и др. И ведь данным термином оперировали сотрудники учреждений Министерств социальной защиты населения и труда РФ (до 1996 г., после чего они были объединены в Министерство труда и социального развития РФ), правоохранительных органов, с чем опять же трудно согласиться по следующим основаниям.

Учитывая основные положения 2-й главы Конституции РФ, которая закрепляет гарантии защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина, определяет обязанности органов государственной власти в этой области [11], следует, что все указанные лица не могут находиться без так называемого надзора (социального, правоохранительного, медицинского и др.), чтобы их свобода в области человеческой жизнедеятельности ущемлялась в форме отсутствия перспектив на официальную трудовую деятельность, пенсионное обеспечение, приобретение собственного жилья и т. д.

Масштаб этих процессов потребовал обратить внимание ученых на такие явления, как маргинальность [8, с. 118–123], систему учета и особенности социально-адаптивного пространства бездомных. Результаты исследования показывают, что в онтогенезе бездомного человека, несмотря на социальную помощь, социально-адаптивное пространство осваивается им весьма проблематично, и, как считают практически 100% специалистов, только через лич-

ностное стремление субъект сможет реализовать свои притязания на общественное признание, повышение уровня социального статуса и др. Как показали результаты опроса, возвращаясь в процессе социальной адаптации к освоению обязанностей и правовым нормам, вспоминая и осваивая определенные знания о них, сам бездомный продолжительное время не может в полном объеме осознать их значение для себя как члена общества, принадлежащего к определенной культуре, современной цивилизации. Здесь фактор стажа бездомности играет решающую роль. К сожалению, ситуационно складывается так, что права и обязанности для бездомного психологически отчуждены от его личности, существуют вне его, при этом более 75% респондентов обозначили свою личную позицию: обязанности представляются в его сознании как акт социального насилия, а права растворены где-то в социальном пространстве и существуют как некая абстракция.

Анализируя данные опроса бездомных, можно сделать вывод, что большинство из них практически не осознает основные изменившиеся в последнее время принципы, определяющие место российского гражданина в социальном пространстве, основополагающие достижения в сфере прав и обязанностей (так отметили 62,4%, при этом почти 20% — затруднились с ответом на этот вопрос). При этом ущемление прав и свобод может вызывать со стороны бездомного человека агрессивное сопротивление, стремление занять протестную позицию в отношении тех, кто имеет собственное жилье (39,2%), занимающих более высокое положение в обществе (53,8%), владеющих правом обладать всей совокупностью гражданских прав и свобод (84,0% респондентов к таким гражданам отнесли представителей чиновничьего аппарата).

Группа экстремально бездомных (склонные к алкоголизму, наркомании, лица, прибывшие из мест заключения и др.: всего 61,4% респондентов, г. Санкт-Петербург) считает, что в настоящее время обладает весьма призрачными шансами повысить свой социальный статус, поскольку, с одной стороны, они не располагают, как правило, необходимыми для этого ресурсами (а иногда и необходимой мотивацией к вертикальной мобильности), и, с другой стороны, предлагаемые государственные адресные программы, как по предотвращению, так и по преодолению экстремальной бедности и бездомности, не отличаются полнотой и качественным уровнем, поэтому не имеют перспектив.

При исследовании структуры социально-адаптивного пространства бездомных, отмечается, что работодатели подчеркивают отсутствие у более чем 60% граждан со «стажем бездомно-

сти» наличие мотивации в трудоустройстве, отсутствие желания менять свой образ жизни, к которому они успели адаптироваться, проживая на «улице», что может служить показателем эффективности процесса адаптации бездомных, а также предпосылкой к проведению дополнительных мероприятий по их ресоциализации. При этом обеспечение постоянной работой в границах социально-адаптивного пространства рассматривается как приоритетный метод преодоления проблем бездомного.

Далее, одной из основных причин формирования бездомности являются многообразные семейные обстоятельства негативного плана. В качестве непосредственных семейных причин бездомности могут быть:

1) разрушение семейных связей, смерть родственников, в результате чего наиболее беспомощные члены общества (дети, пожилые, инвалиды и др.) оказываются предоставлены сами себе;

2) неумение решать семейные конфликты с сохранением самоуважения, уважения личности других, учетом прав и законных интересов всех членов семьи, что приводит к тому, что кто-либо из ее членов, не выдержав конфликтной ситуации, уходит из семьи, впоследствии утрачивает право на жилье;

3) внутрисемейное хищничество, когда одни члены семьи, преследуя свои корыстные цели, разными способами умышленно вынуждают других покинуть жилье и/или передать им свои права на него иным способом, например, отчуждают его через суд [3, с. 220–224].

Анализ данных последней переписи населения (2010 г.) показывает, что к лицам, не имеющих собственного жилья, были отнесены следующие категории и количество граждан:

1) 1,8 млн российских граждан, проживающих в детских домах, школах-интернатах для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, стационарных учреждениях социального обслуживания, казармах, местах лишения свободы, монастырях и тому подобных специализированных учреждениях, в том числе, проживающих в тюрьмах, исправительно-трудовых и исправительно-воспитательных колониях, колониях-поселениях, домах инвалидов и престарелых, психоневрологических лечебных учреждениях закрытого типа, в воинских казармах и монастырях.

2) 404 тыс. россиян, проживающих на постоянной основе в чумах, ярангах, юртах, кибитках, а также в вагончиках, баржах. Еще 31 тысяча россиян проживает в гостиницах, отелях и мотелях. Из них — половина в г. Москве [7].

3) 64 тысячи россиян, не имеющих крыши над головой и проживающих в уличных условиях и различной формы ночлежках.

Большое количество бездомных, как правило, размещаются в больших городах, мегаполисах: г. Москва, г. Санкт-Петербург, и др. Ни для кого не будет секретом, что столица и г. Санкт-Петербург, как самые «дорогие» города России, на протяжении десятилетий развитостью инфраструктуры, более высоким уровнем развития экономики и потенциалом для дальнейшего развития, привлекают россиян из даже самых отдаленных регионов страны, для решения своих насущных проблем, в первую очередь, в поиске хорошо оплачиваемой работы. При этом сумма заработка, как правило, в этих городах, в разы превышает заработок в сравнении с местами, откуда прибыл гражданин. При этом следует отметить, что «варяги» не платят налогов и лишены большинства социальных гарантий.

Обсуждение результатов исследования. Решая задачи социальной помощи, на территории г. Москвы и Подмосковья в круглосуточном режиме работают Мобильная служба помощи бездомным гражданам «Социальный патруль», созданная на базе Центра социальной адаптации им. Е. Глинки, «Центр социальной адаптации для бездомных граждан при ГБУ г. Москвы «Психоневрологический интернат №5», а также функционируют стоянки Мобильных пунктов обогрева в дневное и ночное время около железнодорожных вокзалов.

По информации Департамента труда и социальной защиты населения г. Москвы в 2016 г. официально на улицах было выявлено около 13 тысяч бездомных, что несколько больше в сравнении с прошлым годом. Из них 3885 человек были доставлены в социальные учреждения, 801 — экстренно госпитализирован, 402 человека отправлены по прежнему месту жительства, 101 — вселен в свои квартиры, при этом найдено 166 человек, находившихся в розыске родственниками, отработано 3815 вызовов, поступивших в диспетчерскую, и это на 15% меньше, чем за тот же период в 2016 г. Только за 10 месяцев 2017 г. в Московском метрополитене было выявлено 4135 бродяг, из них 2040 человек получили санитарно-гигиенические услуги, 1819 человек доставлено в Центр социальной адаптации, 69 человек отправлено к постоянному месту жительства, 212 человек экстренно госпитализированы. На территории столицы «Социальным патрулем» также было выявлено 57 заброшенных зданий и 55 мест поселения бродяг: подвалы, теплотрассы, чердаки и др.

Следует отметить, что при этом всего 14,2% бездомных от общего количества выявленных, прошли процесс ресоциализации, т. е. вернулись к нормальной жизни и ушли с улицы, трудоустроены 130 бездомных.

В отличие от Департамента, по данным правоохранительных структур в г. Москве насчитывается от 30 до 50 тысяч бездомных. При этом у лиц без определенного места жительства при сборе статистических данных гражданство не учитывалось, а большая часть этих граждан — представители стран постсоветского пространства. Более высокую цифру (до 100 тыс. человек) называют представители некоммерческих организаций, среди которых, что вызывает интерес, лишь 9% «коренных» москвичей. Из общего количества «обитателей дна» около 80% составляют мужчины, чуть более 20% — женщины и молодые девушки в возрасте до 30 лет, чья судьба, как они считают, выплеснула на обочину жизни.

Добавим к этому, что на протяжении четверти века в столичном регионе работает православная служба оказания помощи бездомным людям «Милосердие». Волонтерами и работниками службы реализуется несколько проектов, направленных на оказание помощи бездомным людям и тем, кто оказался в сложной жизненной ситуации.

Ситуация с бездомными в столице на протяжении многих лет остается напряженной. Особенно много бездомных на кольцевой линии, где расположены все железнодорожные вокзалы, являющиеся главным их пристанищем, а также местом приложения «сил и талантов». Гостей, прибывающих в столицу железнодорожным транспортом, встречают завсегда на вокзалах. Только вид грязного и обросшего бомжа, растянувшегося в вагоне метро «вечно» пьяного сравнительно молодого человека, вызывает брезгливость и животный страх, впрочем, не только у гостей. Пассажиры инстинктивно отодвигаются на безопасное расстояние!

Система социального обслуживания бездомных (г. Санкт-Петербург). Анализируя численность бездомных, отметим, что в г. Санкт-Петербурге действует двухуровневая система учреждений социального обслуживания населения городского и районного подчинения. Комитет по социальной политике г. Санкт-Петербурга осуществляет межведомственное взаимодействие и координацию деятельности по социальной адаптации бездомных граждан.

По состоянию на 01.01.2018 в 18 районах Санкт-Петербурга действовало 15 учреждений (отделений), которые учтены в форме 4 собес (сводная). Только на учете в СПб ГКУ «Центр учета и социального обслуживания граждан РФ без определенного места жительства» состояло 2921 бездомных граждан (см. рис. 1) из них: мужчин — 1723 (59,0%); женщин — 1198 (41,0%); детей — 367, в том числе: граждан трудоспособного возраста 1157 чел. (39,6%), пенсионеров — 1205 чел. (41,3%), инвалидов — 559 чел. (19,1%) [13].

В 2017 г. в учреждениях социальной помощи бездомным фактически развернуто 379 коек и обслужено 1328 бездомных граждан, из них лиц, освободившихся из мест лишения свободы — 197 чел. (14,8%). По количеству обратившихся преобладают мужчины 1190 чел. (89,6%), количество обратившихся женщин составило 138 чел. (10,4%). В 2017 г. трудоустроено — 327 чел. (24,6%), направлено в дома-интернаты 43 чел. (3,2%).

Предоставление услуг бездомным осуществляется не только государственными учреждениями, но и некоммерческими организациями. Например, благотворительная общественная организация помощи бездомным «Ночлежка» (г. Санкт-Петербург) реализует следующие проекты: реабилитационный приют, «ночной автобус», пункты обогрева, консультационные пункты, «дом на полдороги», культурная прачечная и др. В период 2013–2017 гг. в «Ночлежку» ежегодно за различной помощью обращалось от 7 968 до 10 789 бездомных. «Ночлежка» ведет собственный учет бездомных, согласно которому в г. Санкт-Петербурге проживает около 60 тысяч бездомных [12], количество, которое значительно превышает официальные данные Росстата. Безусловно, с учетом этой разницы численности, государственные учреждения социального обслуживания пока не в состоянии предоставить социальную помощь всем нуждающимся.

В целях решения проблемы системного сопровождения адаптационного периода бездомных в городе организуются ярмарки вакансий рабочих мест для жителей, испытывающих трудности в поиске работы, в том числе лиц, освобожденных из мест лишения свободы, условно осужденных. Цель мероприятия — оказание содействия в трудоустройстве указанных категорий граждан, привлечение работодателей к сотрудничеству, получение полной ин-

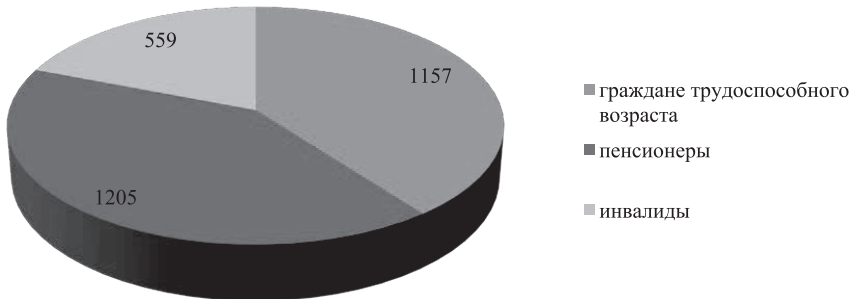

Рис. 1. Категории бездомных граждан, стоящих на социальном учете в г. Санкт-Петербурге в 2017 году

формации о рынке труда и предприятиях, испытывающих потребность в работниках.

Деятельность учреждений социальной помощи бездомным, как систему, сложно оценить, как успешную с позиции проводимых мероприятий по адаптации и ресоциализации, поскольку стандартный набор услуг, предоставляемый в этих учреждениях, сводится к предоставлению койко-места и горячего питания, содействию в оформлении документов, удостоверяющих личность (паспорт, пенсионное удостоверение, СНИЛС, ИНН и др.), и не включает в себя мероприятия социализирующей направленности.

На наш взгляд, в социально-адаптивном пространстве система отношений «социальный работник — клиент» и «социальный работник — окружение клиента» играет важнейшую и сложную роль. Так, специалист, помогая клиенту адаптироваться в социальном пространстве, «одновременно выполняет общественную задачу сохранения равновесия в обществе, в то же время работает в тех рамках, которые ему задает государство» [16, с. 364]. В том числе в финансовом плане. Так, в 2017 году общественным организациям г. Санкт-Петербурга были предоставлены государственные субсидии в объеме 10 623,96 тыс. руб. на реализацию общественно полезных программ: «Срочная социальная помощь бездомным гражданам в рамках программ «Пункты обогрева», «Ночной автобус», «Благотворительная столовая», «Медико-социальная поддержка бездомных граждан пожилого возраста и инвалидов», «Социальная адаптация бездомных», «Транзит» [17].

Вместе с тем существует мнение, например, экспертов «благотворительного центра Weingart» которые полагают, что разовая помощь или материальная поддержка бездомным лишь вредит. Люди получают деньги, пропивают их или тратят на еду, а их положение не меняется. Желания что-то менять в своей жизни у них нет» [9]. С этим мнением согласны и российские волонтеры, которые считают, что милостыня на улицах — это впустую потраченные деньги. Хотя, в том числе, следует отметить, что голодный человек представляет существенный риск для общества, и на этом этапе вряд ли без широко доступных благотворительных столовых можно осуществлять какую-то более долгосрочную работу.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что социально-адаптивное пространство для бездомных определяется как:

— демократическая или правовая система, обеспечивающая гражданскую интеграцию бездомных граждан;

— рынок труда, обеспечивающий экономическую интеграцию в обществе;

- система социального обеспечения, обеспечивающая социальную интеграцию;
- семья и сообщества, которые обеспечивают межличностную интеграцию.

С учетом того, что Указ Президента РФ № 1815 был отменен в 2004 году [2], назрела ситуация, когда необходимо законодательно признать существование в стране сотен тысяч граждан, не имеющих жилья и лишенных, в связи с отсутствием регистрации, возможности реализовать основные права на трудовую деятельность и дифференцировать категории «бездомные граждане» — «лица без определенного места жительства и занятий» — «бездомные граждане».

Согласимся с предложением [10], что в целях повышения эффективности социального обслуживания, профилактики бездомности необходимо проведение ряда мероприятий таких, как организация сотрудничества со СМИ, распространение информации о доступности мест в ночлежках, развитие системы социального патронажа неблагополучных семей, бесплатных юридических консультаций, осуществление юридического сопровождения граждан без регистрации по месту жительства, информирование групп риска о последствиях утраты регистрации, а также о том, как можно получить регистрацию.

Вывод: в системе социального обслуживания бездомных, на наш взгляд, должны разрабатываться индивидуальные программы с учетом стажа «уличной жизни» бездомного и содержать комплекс социализирующих мероприятий, после которого бездомные смогли бы получить жилье и найти работу. При этом предоставление субсидий некоммерческим организациям позволит создать низкопороговые службы при предоставлении услуг, где бездомные могли бы удовлетворить элементарные потребности в пище, одежде, ночлеге и т. д.

Необходимо усовершенствовать систему регистрационного учета граждан по месту жительства и по месту пребывания, скоординировать действия организаций, ведущих учет количества бездомных, при этом социальные работники должны оказать помощь в форме проведения информационной части этой деятельности: информирование бездомных и населения через СМИ, посредством осуществления рейсов, распространения листовок, буклетов и т. д.

Диверсификация работы по профилактике бездомности и ресоциализации бездомных невозможна без соответствующего кадрового, материально-технического, научного и финансово-

го обеспечения. Таким образом, на наш взгляд, модель реабилитации бездомных в социально-адаптивном пространстве можно представить по следующим направлениям:

— социальное (предоставление продуктовой, вещевой помощи, ночлега, проведение информирования, социальных консультаций и др.);

— социально-трудовое (консультирование по вопросам труда, занятости и профориентации);

— социально-реабилитационное (патронаж, восстановление семейных связей, документов, трудовой занятости и др.);

— социально-информационное (работа в контакте со СМИ, распространение листовок, буклетов и др.);

— социально-психологическое (психологическое консультирование и коррекция, помощь в социально-психологической адаптации);

— социально-правовое (нормативно-правовое сопровождение бездомных, предоставление информации об их правах и обязанностях и др.);

— социально-медицинское (оказание доврачебной медицинской помощи, контроль за соблюдением норм индивидуальной гигиены, направление в специализированные медицинские учреждения) и др.

Библиографический список

1. Указ Президента от 2 ноября 1993 г. № 1815 «О мерах по предупреждению бродяжничества и попрошайничества». Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации, 1993, № 45, ст. 4327.
2. Указ Президента Российской Федерации от 6 февраля 2004 г. № 151 «О признании утратившим силу Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. N 1815 «О мерах по предупреждению бродяжничества и попрошайничества». Российская газета — Федеральный выпуск № 3401 (0) 10 февраля 2004 г.
3. Антонова Н.С. К характеристике причин бездомности в современной России. / Актуальные проблемы теории и технологии социальной работы. // Вестник Бурятского Государственного Университета, 2009. № 5. С. 220–224.
4. Бахматова Т.Г., Чусова Ю.А. Социальная эксклюзия сирот на региональном рынке труда: опыт Иркутской области // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 40–45.
5. Бездомность в современной России: проблемы и пути их решения: Вестник Межрегиональной Сети «За преодоление социальной исключенности»: Вып. 1. Сборник / Сост. А. Варсопки, Е. Ринн. СПб. 2007.

6. *Бурдые, Пьер* Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. — 288 с.
7. Вот какие мы — россияне. Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. Российская газета — 22.11.2011. Федеральный выпуск № 5660 (284)
8. *Дадаева Т.М., Спиридонова К.М.* На обочине жизни: феномен маргинала в городской среде // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 118–123.
9. *Ерохина В., Тараханова О.* «Нужно ли подавать бездомным?» от 09.06.2015 // Официальный сайт журнала «Большой город» URL: http://bg.ru/society/nuzhno_li_pomogat_dengami_bezdomnym-22837 (дата обращения 25.05.2016).
10. *Коваленко Е., Строкова Е.* «Бездомность: «Есть ли выход?». Фонд «Институт экономики города», Москва, 2010. — 128 с.
11. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. 2009. — № 4. Ст. 445.
12. «Ночлежка» сайт благотворительной организации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://homeless.ru/> (дата обращения: 28.12.2018).
13. Отчет о результатах работы Санкт-Петербургского государственного казенного учреждения «Центр учета и социального обслуживания граждан Российской Федерации без определенного места жительства» за 2017 год // Данные предоставлены директором СПб ГКУ «Центр учета» Доржиевой Б.Б.
14. *Ромм М.В.* Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. — Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 2002. — 275 с.
15. *Соколова В.Ф.* Концептуальные подходы к социальной работе с лицами категории божж / В.Ф. Соколова, М.А. Мирюкова // Интеграция науки и практики как механизм эффективного развития современного общества: материалы XIV международной научно-практической конференции, 25–26 декабря 2014 г. — Москва, 2014. — С. 194–198.
16. *Трохирова У.В., Зимина Е.В.* Профессионализация социальной работы в регионе: проблемы и перспективы (на примере Иркутской области) // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 45–52.
17. *Халилова Р.Р.* Роль личности социального работника в эффективном взаимодействии с клиентом // Специфика профессиональной деятельности социальных работников. Сб. труд. конференции. Н. Новгород, 2015. С. 362–366.
18. *Шляков А.В.* Бродяжничество как социальное явление // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 124–135.
19. *Юликова Е.П., Скляр В.Ф.* Социальная защита божжей // Факты, комментарии, заметки. Социология. — М., 1994. — № 17.